

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

ПРО УРОДА и прочих

Четыре книжки под одной крышкой

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

ПРО УРОДА и прочих

(заметки активиста,
крбно болеющего
за общее дело)

Анатолий
ШЕРСТОБИТОВ

РИСКА

(трилогия в слезах про пьянь)

Какой и впрямь, куда ни глянь,
Рвань, дрянь, буянь и грубиянь.
Народ, воспрянь, не обезьянь,
Щеку здоровьем зарумянь!..

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ
(зооидилгия)

НЕ ТА МАСТЬ

- дневник дворового целного пса
про жизнь собачью у людей;
- война ребёнка с чёрным котом
за счастье в его семье нескладной

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

НЕ БУДИ

Трилогия о нашем втором,
нехорошем «Я», ждущем
упрямо своего часа

- взлёт и фиаско режиссёра-защитника;
- трагедия студента-мечтателя;
- фальшарт свадьбы

Анатолий Шерстобитов
ПРО УРОДА и прочих. Четыре
книжки под одной крышкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969369
ISBN 9785448375002

Аннотация

Любое уродство, физическое или духовное, требует нашего снисхождения, а по большому счету даже любви. Не бывает людей крашенных в одну краску, в любой бочке дегтя есть ложка меда. Умение распознать её даёт немалый бальзам в душу.

Содержание

Первая книжка	5
– Рыцарь финки и обреза – Маэстро свалок немтырь Думбейко – Театральный визит Дикона в школу – Слон мечтает хрупнуть Вовой в объятиях – Прочие озорства в школе – Да он лю-юбит!..	6
– Мечта о шантаже мильёнщика-Думбейко – Дерзкое хищение стеклотары – Вова: ученик Винни на автобазе – Автогибрид, неподвластный ГАИ – Как орденосеи себя нечаянно застрелил – Винни собирается в Японию —	18
– Сокращение ПедоБогини – Гримировка Вовы пинками в монголоида – Как сикающих в неположенном месте едва током не поубивало – Гибель Идиота «На- Гаргалыгу» – Как Вова уподобился плугу и чуть-чуть не задохся —	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**ПРО УРОДА и прочих
Четыре книжки
под одной крышкой
Анатолий Шерстобитов**

© Анатолий Шерстобитов, 2017

© Николай Александрович Павлов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7500-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая книжка

Про уroda и прочих

(заметки активиста)

...Но вот Дикона и повязали! Обрел, наконец-то, горбунишка, что искал, помогли люди добрые. Не черкнуть про это явление просто грех, личность-то презабавная. Я и ранее, вскользь, упоминал уже в своих дневниковых записках об этом весьма докучливом чуде, теперь же приспела пора рассказать о нем более обстоятельно, нельзя просто не рассказать о нем и ему подобных представителях этой же ниши нашего общества!

**– Рыцарь финки и обреза – Маэстро
свалок немтырь Думбейко –
Театральный визит Дикона в школу –
Слон мечтает хрупнуть Вовой
в объятиях – Прочие озорства
в школе – Да он лю-юбит!..**

Мало кто знал его настоящее имя, Дикон да Дикон, а по метрике он – Вова, мой тезка, отрок семнадцати годков в пору нашей активной смычки. Вес у тезки бараний, рост – метр пять в калошах. Проживал он с мамой в крохотной саманной избенке, за два дома от нас. Папа у Вовы скovyрнул-ся рано, во цвете лет, будучи навеселе не уступил дорогу поезду. Навеселе он, сердяга, бывал по три раза на дню, вдохновенно хлебал, до сих пор, говорят, от могилки перегаром веет.

Кончина папы Вову крайне огорчила, так как он сызмальства мечтал укокошить родителя собственноручно, за все радости, что тот ему организовал: здоровьишко никудышное, горбик, что создан по его старанию (колыбель в свое время срикошетила от неловкого маневра), за маму, тоже порядком зашибленную, надежно угасающую через хворь в легких, за нищету беспросветную...

Но папа словчил, и у Дикона отголоском мечты осталась лишь страстишка комплектовать арсенал из холодного и огнестрельного оружия, обретать сноровку в его употреблении – с ихнего двора частенько доносились звуки, что сопутствуют истовому метанию ножей, штыков и прочих пик, хлопали выстрелы, приглушаемые стенами сарайчика, по звучности можно было определить, когда из самопала, а когда из обреза.

Соседей, конечно же, такая полувоенная обстановка не восхищала, равно как и прочие озорства Вовы – рейды по огородам и погребам, банькам, в чьи окна он любознательно тарасился, открывая для себя отличие полов. Соседи даже жалились в органы, но дело далее постановки Вовы на учет как члена неблагополучной семьи не пошло.

Так вот и выткался тогда вокруг Дикона этакий ореол отважного юноши, могущего запросто покарать любого из обидчиков. В глазах пацанят, само собой, меж таких слепушат и кривой в королях, тех, кто лет на пять моложе Вовы. Того же братца моего, кто мог захлеб рассказать, как Дикон, проезжая мимо милиции на своем «дырчике», мопеде, слепленном из наворованных запчастей, выронил как-то от тряски обрез из-за пояса, выронил, тормознул, развернулся и, не поведя бровью, подобрал его, словно расческу или носовой платок.

Подобрал да еще подмигнул при этом двум зардевшимся от застенчивости парнишкам-дружинникам, каковые си-

дели на лавочке в ожидании начала рейда по борьбе с хулиганством. Игры с разными жестокостями, групповые драки, карты, пьянки... болото это властно манило к себе Дикона, чувствовал он себя в этой стихии довольно уверенно. Дневную школу он бросил, по настоянию участкового посещал вечерку, работать же устроился на автобазу, учеником электрика, он же аккумуляторщик. Ремесло неплохое, хлебное, к слову, и я здесь начинал до армии свой трудовой путь. Кой-когда, больше по субботам, Вова наведывал дневную школу, родной, покинутый им класс.

Выход в свет, как правило, предваряло тщательное охорашивание перед зеркалом, мутным-премутным от работающих мух. На дворе еще бабье лето, теплынь, а он непременно обует великоватые ему, троекратно подшитые пимы, обмундируется в драную фуфайку, шапчонку без одного уха, подкрасит губы, насурьмит брови, глаза же замаскирует очками, где одно стекло красное, другое – зеленое, а на грудь уместит гитару. Красаве-еец! король пампасов!..

Лицом, к слову, Дикон был недурен – кожа чистая, белая, нос хищноватый, зубы один к одному, никем еще не прореженные, приятное, в общем, личико. Кабы не аховая осанка, покареженность арматуры корпуса, быть бы ему, на радость девчаткам, недурнячим парнишкой.

На дворе Вову подждал Макнамара, рыжая и лохматая дворняга внушительных размеров, кобель очень даже смышленный, ложился-вставал по команде, эксплуатировал-

ся по хозяйствам, бидон с водой таскал на тележке, в дурацких же ранцах на боках, доставлял продукты и прочую безделицу из магазинов. Гитару мог таскать в пасти за ляпочку специальную. Была одно время у Дикона галка Пелагея, обученная сидеть на плече и произносить досадливо с сильным башкирским акцентом слово «курва», получалось – «кюрье-ва!», но кто-то птицу спер, чем изрядно умалил экзотичность владельца.

На пути к школе Дикон зачастую встречал соседа, однорукого гиганта Думбейко Федора Исаича – родственничек мой, кстати, какой-то дальний. Вова раскланивался с ним и одалживал махры с пластом газеты, после чего сооружал чудовищную самокрутку. Точнее, не одалживал, а приобретал за пятак, потому как Федор Исаич был сказочно бережлив.

Подкуривая, Вова интересовался у него насчет обстановки на свалке – продолжает ли народ выбрасывать ненадеванную отечественную обувь и почти неношенные полупальтики, встречаются ли по-прежнему бананы и грейпфрукты, завлекательные торты, какими Федор Исаич по неосмотрительности едва не отравил свиней и супружницу. Сосед отмахивался, снисходительно улыбаясь в густую до груди бородищу. Вову он всерьез не воспринимал, молчал же он всегда, со всеми – чистый немтырь, а был, говорят, словоохотлив когда-то, за что и ввалили десятку. Отсидел, да и умолк. Левую же руку на фронте оставил, куда напросил-

ся для скостки срока. Одевался Федор Исаич скромно, примерно как Вова для визита в школу, только в кирзачах и без косметики.

Но вот Вова и в школе, где тогда объявилась новенькая учителька, жена офицера, мордашкой броская, не обижена и фигуркой, а вот с имячком пробуксовка – Рая, аграрнее не придумаешь, к такой-то городской паве. Я уж старался в общении чуток поправить дело, кликал «Райя», ей нравилось. Так о Вове, зашел он в тот день на середку ее урока, вежливо поздоровался и лег на бочок с гитарой у порога, Макнамара присел чуть сзади – стеснительный. Словом, явление солнечного восхода от заката. Ученики ожились, возрадовались паузе в подаче увлекательной темы: «Реалистичность конфликтов в пьесах Островского». Макнамара, вскоре, пасанул, вышел, не вынеся шума и внимания многих глаз. Вова же стал намурлыкивать под струнный перебор, что кирка-лопата ему родные братья, а тачка – верная сестра. Представил, в общем, нечто вроде визитной карточки на законный вопрос педагогини, кто он, мол, таков и не попутал ли учебное заведение с папертью, где мелочишки в шапку ему бы враз, наверняка, набросали. Прислушав же фрагмент песни, Райя указала на родовую неточность, кирка и лопата существительные женского рода и, стало быть, братьями быть не могут. Попросила так же уточнить, так кувалда он или лом и совсем ли исправный. Короче, язычок у литераторши оказался с начинкой из перчинки,

да еще под ярость на такое нахальство, так и стала она было оправляться от первоначального шока, воспарять под дружное обхихиканье над Вовой.

Но она плохо знала Дикона, этого генератора пошлых выдрючек. Выщипывая на струнке-пискле «Клен ты мой опавший...», он спокойно выслушал ее, осмотрел со снисходительной укоризной, отложил музинструмент и подошел на четвереньках, стал обнюхивать ноги, от пяток до чуть выше колена, обнюхал, сильно сморщился и встал в классическую стойку, заимствованную у Макнамары – прицел ногой в потолок, только без косой струйки, такая, мол, милашка, оценка обнюханному.

Класс призначительно застонал, заскрипел мебелью, неумолимо выходя из повиновения, раненая такой бестактностью Райя поспешила прочь, за подмогой. Вова же сел на ее место и стал декламировать нехорошие стихи, говоря в нужных местах «ля-ля-ля» или «кхе-кхе-кхе». Пришел директор, заглазно «Слон», что габаритам и проворности его вполне соответствовало. Дикон Слона утомлял несказанно, случись такая оказия, что Вову бы унесли в корыте другим накрыто, он бы, наверняка, совсем-совсем не скорбел, напротив, в глубине души даже возликовал бы. Сопровождая Вову к выходу, он укорял его блеклым голосом, осознавая, что уродца пронять ничем невозможно, мысленно благодарил судьбу, что нынешний визит прошел относительно спокойно, волнение не выплеснулось за стены класса.

На памяти у всех тогда еще было свежо событие, другой визит, когда Вова заглядывал в кабинеты и гнусаво осведомлялся, каким автобусом ему добраться до созвездия Козерог? У подавляющего большинства при виде этого инопланетянина случалась оторопь – лицо Вова загрунтовал фиолетовыми чернилами, а голову с чьей-то помощью умудрился заключить в зыбкий скафандр из надутого презерватива. Когда оцепение спадало, девочки визжали, как от жаб за шиворотом, мальчики топали и хлопали крышками парт, педагоги мякли, отирая со лбов холодный пот, а патриарх заведения географиня Вершинина, в обиходе «Джомолунг-Эверестовна», брякнулась в обморок.

В другой раз Вова дремотную тишину занятий потревожил рокотом дырчика – лихо промчался по школьным коридорам. Был также случай, когда минут пять спустя после перемены началась нешуточная пальба, под учительскими кафедрами стали рваться капсулы «жевело», обернутые в тлеющие ватки...

Слон вздыхал и тоскливо косился на Дикона, явно мечтая заключить это недоразумение природы в объятия, настолько крепчайшие, что организм у Вовы бы необратимо хрупнул и утратил способность перемещаться в пространстве. Пробовал Слон прибегать к помощи милиции, но её представители при знакомстве с сутью того или иного происшествия чаще всего ударялись в хаханьки, объясняли, что Вова уже и без того вовлечен ими в круг немалой перевоспитатель-

ной работы, и что для изоляции его от общества нужно что-нибудь посерьезнее «скафандра-презерватива», грабеж или, на худой конец, изнасилование.

Визит в родной класс

Такое пожелание ввергало Слона в бледность, именно этого для полного блеска его школе только и не хватало. Взды-

хая же ещё безисходнее, он ловил себя на мысли, что однажды его профессиональная выдержка и природная интеллигентность ему всё же изменят, и он-таки обнимет Вову, бережно хрупнет, а потом застрелится.

— Ну, нельзя же так, Владимир, нельзя, — говорил он грустно, — здесь же не арена цирка, и что тебе за услада нервировать ход педагогического процесса, ведь ты же взрослый человек...

Вова как можно правдоподобнее изображал покаяние и тоже вздыхал, а в пакостной головёнке уже зрели сценарии других, грядущих номеров, какие чуть позже не замедлили успешно воплотиться в жизнь.

Вот некоторые из них. Пару недель спустя, поздним вечером, в кромешном мраке, спустившись с крыши на веревке, он заглянул в окно третьего этажа, раздувая в зубах тлеющую скорлупу грецкого ореха, в классе этом шла репетиция струнного оркестра, впечатлительные девочки с визгом ринулись к выходу, затоптав при этом три балалайки и домбру.

В другой раз он оконфузил самого Слона, когда тот, в назидание прочим невежам, раздраженно сдернул с его головы шапку в помещении, под шапкой же оказался берет, под беретом — тубетейка, потом парик, все это Вова снимал сам и бросал себе под ноги, парик так содрал с болезненным воплем, снятие скальпа да и только, содрал и с фальшивым заискиванием протянул директору...

Слон, скорее всего, и не подозревал, что выдрючки Дико-

на зиждятся не только на дешевеньком тщеславии, желании как-то блокировать брезгливость у зрителей к его уродству, затмить его дерзкими хохмами, если бы все было только так. Он и не мог предположить, что наш Вова любил, люби-иил! и вся эта клоунада была таким брачным танцем глупеющего до безрассудности от переполняющих его чувств самца.

Объектом же его, Вовы, вздыханий была бывшая одноклассница, хохотушка Верка, весьма и весьма недурная собой девчушка, соки она тогда набрала как-то в одночасье, что естественно привело к усилению мужеского внимания. Что отличало ее от большинства пугливых подружек, так это завидная раскованность в обращении с Диконом, горб ее ничуть не удручал, вела она себя с ним запросто, как со всеми.

Шок струнного оркестра

Ну а Вова все это принял за какой-то аванс и стал приударять за нею, дышать томно, суффиксы ввертывать ласкательные, не «Верка», как во вчерашний пионерский период, а «Верочка», «Веруня», на что она прыскала, не та-сь, но не отшивала, выходки его привечала, так как со скуки шута в своей свите иметь желала.

А Дикон даже взялся было систематически, потемну, ходить к ее воротам, курить в ожидании до тошноты на бревешке, исходясь в любовной истоме, а Верка в это время целуется себе, тискается на дальней лавочке с каким-нибудь кавалером, каких за нею гужом.

Вова на это принимался одно время даже гневаться, страдал, отшивал кой-кого из кобельков, на что Верка совсем закатывалась, ой, Вовка, разгонишь, мол, женихов мне, буду по твоей милости куковать остатнюю жизнь одна-одинешенька, на что Дикон, толстыми намеками, не будешь, мол, зазнобушка, пока есть я на белом свете.

Верка в смех пуще прежнего, но минуточек десять ему выделит, о подвигах новых расспрашивая, он только разговорится, примлеет, а она уже домой засобирается, поздно, мол, Вовочка, мама-то за позднюю явку и коромысло ведь на спине разогнуть может, да и уроки не учены.

Уйдет любимая, и остается юноше лишь поскрыпеть зубенками, повыть на месяц ясный, какой так и раскрошил бы на звездочки с досады, тукнется пару раз головенкой о бревно и домой, на печку, короннейшее свое место, мечтать, что стало бы на земном шаре, если бы у него вдруг исчез горбик.

**– Мечта о шантаже мильёнщика-
Думбейко – Дерзкое
хищение стеклотары – Вова:
ученик Винни на автобазе –
Автогибрид, неподвластный
ГАИ – Как орденосеца себя
нечаянно застрелил – Винни
собирается в Японию —**

А еще Вова имел симпатию в чужие окошки подглядывать, облизня ловить на чужую, красивую, по его разумению, житуху, к той же Верке мог заглянуть в детскую поверх занавесок, взобравшись для этого на тополь. Та, к слову, актриса еще та, перед трюмо могла вертеться часами, довольно часто включая в репертуары сценки стриптиза, пребывая в уверенности, что никтошеньки ее видеть не может.

Фигурка же у нее, тело, были, ум-мм! превосходные! так и проглотил бы с требухой, пух в атласе, не тельце, а натрушенное сенце, вот что значит юность! Часте-еенько она практиковала такие кривляшки, осекающие дых у Вовы, частенько, сама сучешка налюбоваться на себя не могла.

Кой-когда заглядывал Дикон и в окошко к соседу, Федору

Исаичу, чья брехливая сучка в такие минуты помалкивала, млея от свиданки с Макнамарой. Конечно же, просто так наблюдать за Думбейко было бы до тошноты скучно, так как он безостановочно, размеренно работал и работал. Если же быть точнее, то никто не помнил, чтобы Федор Исаич когда-нибудь, где-то после войны работал, я имею в виду казенные, государственные места. Единственное и неизменное место его работы была свалка.

Еще в утренних сумерках он запрягал ишака и отбывал в обход любых его сердцу мест, сделав же туда несколько ходок, после обеда, принимался за сортировку доставленного добра по отдельным ларям, а это – тряпки, кости, цветной металл, банки и бутылки, стройматериал, уголок и трубы, дрова, пищевые отходы...

Наряду с этим он умудрялся еще держать с полсотни овец, три-четыре свиньи, кур, гусей и корову. Вечером же Федор Исаич готовил пищу, иногда затевал постирушки, что-то писал, читал своей супруге, кто последнее время, года полтора, с постели не поднималась. Кто-то от хвори тает в лучинку, как та же маманька Дикона, эту же раздуло, как двухгодовалого борова. Детей у них не было – перемерли в младенчестве. Дикон, как и многие в нашем поселке, был убежден, что Думбейко – «мильёнщик», что есть у него заначка, куда он складировает ассигнации и драгметаллы, этакий потаенный ларец, сокровенный сундучишко, похитив который, можно бы остаток жизни прожить припеваючи. Да, Вову чутье не под-

водило, сундучишко такой был, причем стоял на видном месте, но больше недельной выручки там никогда не лежало, Федор Исаич был приверженцем сберкнижки.

Но наш Вова этого не знал и мечтал, упуская слюну до пояса на чужое богатство, вычислял вариант, как можно бы соседа тряхнуть, прошантажировать, предварительно вооружась порочащими его аргументами.

С таким досье можно бы смело подойти к нему в один прекрасный денек и сказать постным голосом Штирлица, что, мол, вы, товарищ Думбейко у меня под колпаком, так что, будьте добры, вынесите нынче в полночь на зады огорода столько тыщ, что мне крайне нужно для поправления здоровья и осанки, для командировок по знаменитым костоправам и курортам, не исключено, даже за рубеж, и после такой увертюры, р-раз, и аргумент, как обух в лоб.

Но с аргументом дело не выплясывалось, так как Федор Исаич, даже при перебоях с моршанской махрой, сшибал и досасывал через мудштук чинарики, что к хищениям соцсобственности отнести было можно, но при очень высоком профессионализме органов. К тому же он, гад, молчал со всеми издевательски, даже с нами, его родственниками.

Просили мы у него как-то займы тыщонки три, на машинешку тогда размечтались наскрести, так ухмыльнулся немытьрь в бородищу и лишь пожал плечами, откуда, мол, люди добрые, у меня, «маэстро помоек и свалок», такие деньжищи, под дурачка, словом, сработал.

А еще Дикон имел обыкновение похищать далеко за полночь, что, ох как романтично, бутылки из семенной лаборатории, там их были горы, хранение же символично, так как кособокий амбар с жалкими останками крыши (кулацкое наследие), фанерной дверью и замком «перед употреблением встряхивать» складом назывался больше от смелой фантазии. Через забор от лаборатории располагалась аптека, с другой стороны заброшенный дом, так что риску было небогато.

Сделает Вова пару ездов на тележке из останков детской коляски, отмоев посуду от присохших внутри зерен, что, честно говоря, преутомительно, отчего бутылки и складировались в горы без перспективы реализации, отмоев, сдаст, глядишь, и загромыхало в кармане, один такой набег мог вытянуть до сорока рубликов.

Устроившись на работу, он несколько подсократил частоту визитов к этой кормушке, для конспирации это благотворно, но совсем забывать сюда дорогу не думал. Учреждение, к слову, на этот умеренный грабеж не паниковало, хоть и пасса там не один Дикон, никакого учета посуды не существовало, так как привозили-то ее совхознички.

Конечно же, все эти Вовины выдрючки должны были находить соответствующую реакцию у общественности, в коллективе, где он трудился, и находили. По тем же сигналам Слона комсомольская организация автобазы, а я в ту пору был ее секретарем, устраивала ему проработки, воспитатель-

ные беседы, посвящала ему «колючки» и спецвыпуски «Комсомольского прожектора», но горбунишка был почти неуязвим. «Почти» затем, что карикатуры, а рисовал я сносно, были довольно хлестки и ве-есьма спецификой осанки героя узнаваемы, мужики потешались, ржали до вибрации стекол. Вова тогда нервничал и кой-какие удачные шаржи даже срывал.

Честно говоря, с приходом на работу, он тогда заметно посерьезнел, казалось, по всему, добыча хлеба насущного собственным горбом, честным трудом, он стал больше читать, а в шахматы насобачился играть так, что в автобазе равных ему не сыскивалось.

Популярностью он обладал и среди мужиков, но больше дешевенькой, на базе тех же разнообразных выдрючек, розыгрышей и хохм, больше того, походя, он мог опошлить даже деяния комсомола, партии. Можно было бы тогда и не воспринимать всерьез этого сопатого, но он совершенствовался, жальце его выпадов оттачивалось и ядовитело, так что приходилось кой-когда уделять тезке время и внимание.

Видит бог, сам выклянчивал все это, сам, винить теперь некого. Я ведь тоже, чего греха-то таить, из таких же дитятток улицы, номера до армии откалывал хлеще Дикона, покаяться мог вниз только так, влипал преизрядненько, от судимости еле-еле отвертелся. Какие в то время общественные дела, школу ведь болван в начале девятого класса даже бро-

сил. Но сумел всхомянуться, спрямил свою колею, вступил перед призывом в комсомол, выправили мне по благу отличную характеристику, а демобилизовался я уже кандидатом в члены партии, там, в армии, это проверить было, раз плюнуть, только захотеть. И стала мне моя тропка совсем ясна, высветил я себе нужный маяк, цель.

Опамятоваться же помог в первую очередь батя, благодарен я ему за это преизрядно, принял я его программу частично, как первотолчок, потому как примитивности и даже агрессивности в ней было хоть отбавляй. Но в хватке ему не откажешь, держал меня в то время цепко, талдычил истово и неустанно свою стратегию, как стать медведем-стадоводником, свиньей-огородницей, во времена, когда лихо чуть прилегло, а добро не приспело.

Не чурайся, говорил он, ты, Вовка, этой возни евнухов от жизни, игрушек в энтузиазм, лезь в самую гущу, я уж стар для таких перелицовок, а ты лезь, тошнит, сцепи зубы и протискивайся, рядись в этого шута, заседай, на трибуну лезь, в партию просись и учись. На крайний случай, наберись терпения и высиди бумажку, что с образованием ты, все это для нужной графы в анкете, а не пойдет дело и купить можно, покупают люди, бумажка во все времена всему голова.

Поживи, заклинал батя, хоть ты, сынок, по-человечески, а то род, как проклял кто, третьим поколением в страдальцах ходить будем, то рассказывание, то раскулачивание, то мор и голод, то война... а до «светлого будущего» все даль-

ше и дальше, драли и будут драть, как липок, работяг и кормильцев. Раз не в потребе у нас честный полнокровный труд, так надо тянуться за портфелей, зад в кресло уместить, жить по уставу Ваньки Ражева (легендарный у нас в станице недоумок и лодырь, «авангард революции», сдохший в черном запое под забором).

Живи по такой колодке, раз велят, только с головой, не жируя совсем явно, если масть пойдет. Ну а если не сможешь себя, свою брезгливость превозмочь, ишачь всю жизнь на казножоров, лукавых и ненасытных. Конечно, параграфом стать для души тоже немалая смута, но это зло все равно меньшее, чем стать дешевой рабсилой. «Параграфами» батя называл всех чиновников за вопиющее, на его взгляд, сходство с этим знаком – выпяченный живот, задранный нос, короткие, сардельками ножки под нависающим брюхом.

В общем, оклемался я тогда своевременно, отошел потихоньку от дешевеньких уличных утех с дружками на все готовые, погодками удалыми, поступил сразу же после армии в вечерку, стал читать книги и периодику, дневник вести этот, что ве-есьма даже дисциплинирует и провоцирует на совершенство, о чем уверяют мудрецы, стараюсь вести его честно, с прицелом на обозначение и вытравление собственных имеющихся недостатков.

Конечно же, обрести вкус к общественной и комсомольской работе в моих условиях было крайне трудно, это не армия, где на собрания рота приходила строевым и с песней,

другое дело автобаза, где члены ВЛКСМ такие вот диконы. Но я понимал трезво, что надо стерпеть, что это даже очень неплохо, отличный штрих для биографии – «труд в низах», а там вотрешься в аппарат и с грязью этой можно надежно распротиться, наблюдать ее через охранный фильтр первичек. И я пахал!

О нашей первичке стала часто писать районка, областная комсомольская газета, и было за что: разнообразные почины и субботники, вахты мира, профессиональные конкурсы, автопробеги по местам трудовой и боевой славы. Вскоре меня ввели в состав райкома комсомола, близка к завершению была и вечерка, а там техвуз, заочно.

* * *

Ну, так о тезде, его деяниях в автобазе, большей частью палках в колеса моим стараниям. Запомнилось, как по его сценарию, мужики довели как-то до стрессового состояния нашу новую медичку, активную комсомолку, мою помощницу, которая сразила всех принципиальностью и нетерпимостью к пьяницам, при ней враз стало невозможно выехать на линию даже «после вчерашнего».

Дело с дисциплиной стало вроде поправляться, как они, вся эта вечная пьянь, вдруг, начали шокировать ее дыхом с такой вонью, что немедленно мелькала мысль о переполосовке отверстий, и как только скоты подбирали этот букет запахов, уму непостижимо, а может и гольнячком жевали это

самое, за этим народцем не захряснет.

А вскоре, в один день, пошли вереницей, собрали табун под ее дверями, жалуюсь на одно и тоже недомогание в области ягодиц, какие охотно обнажали и демонстрировали диковенную печать, кровоподтек необычной формы. Полюшка, так звали мою помощницу, подняла панику – неведомое профзаболевание! перелистала горы литературы, замучила коллег в поликлинике расспросами, но ответа никак не сыскивалось.

Лишь спустя неделю я сумел разведать суть и успокоить ее, объяснив, что это заурядная месть за ее принципиальность, хохма под диктовку горбунишки – шлепали, оказывается, сволочи, себя блямбой от электросварки или же высисывали тиснение и шли с тихим ликованием на демонстрацию своих немых задов, катались влежку от хохота над недо-умением девчушки. Она же юна и ранима враз надломилась, стала побаиваться этого сброда, глаза на многое закрывать, что им и требовалось.

Недурная собой девчушкая, покладистая, ежесть к ней с лаской, по-человечески. Я как-то разок у нее засиделся, какой-то вопрос на комитет готовили, собрались домой, а дверь заперта, какая-то тварь – конечно же, Дикон – вложила палку в ручку, а комнатуха у ней тупиковая, без окон, так и пришлось куковать едва не до полуночи, пока не откликнулся сторож. Только и утешение, что время коротать так с такой феей еще можно, хоть до утра, кабы силенки

не иссякали, ежели бы провиантом подзапастись.

А в другой раз Дикон додумался позвонить секретарю и передать лживую телефонограмму, якобы из райкома комсомола, где излагалась просьба принять участие мне, как члену райкома, в митинге-обсуждении активом станции произведения Л.И.Брежнева «Малая земля». Приехал я в назначенный час на станцию, а там никто ни слухом ни духом, все озабочены нашествием цыган, кто делали как раз здесь пересадку при поездке в южные края. На митинг это столпотворение смахивало, но проблемы смуглая крикливая публика обсуждала другие, не «Малую землю». Перевоспитать Вову становилось все труднее и труднее, учителей у него и помимо меня хватало.

Взять, к примеру, того же дядю Ваню, кто его в тайнства ремесла посвящал. Он и меня до армии посвящал, очень даже можно было вооружиться теориейками, но пронесло, слава богу, на другой рупор ухо наострил. А наш Вова так прямо-таки присосался к дяде Ване, единоверца в нем учуял, да и внешне учитель был, по сути, уродцем – крайне мал ростом, весьма неказист и кругл, откуда не глянешь круглый, лицо тоже круглое, туповатое и, на мой взгляд, от осознания собственного идиотизма, всегда застенчивое.

«Дядя Винни», кликали его на автобазе, на мультигероя он был похож здорово, только без пропеллера, но звали так за глаза, а напрямик – Иван Мефодьевич, уважительно, потому как он доскональнейше знал свое дело, наощупь, с за-

крытыми глазами мог работать. Старого леса кочерга, определяли мужики, не козырист, да мастист, мастера в нем признавали. Учеников у дяди Вани за тридцать с гаком лет работы перебывало много и всем он, в который круг, травил одни и те же байки.

– Исключительно прекрасная у тебя будет специальность, Вовка, – сообщал он слащавым голосом радиосказочника, вправляя в мундштук очередную сигарету, каких иссасывал по две пачки на дню. – Ведь почти все отказы в организмах машин через электричество. Конечно, вотова-етова, и колеса отпадают, мосты, подвески ерундят, но все это наружность, механика грубая и простая, любой изладить сможет, если захочет, а вот с нашим делом чуть что и тупик, косяками идут с поклоном. Ленивый пошел народец на пытливость, много развелось вялых чистоплюев, а ведь любую сложную механику можно легко уразуметь через дробление на простые звеньишки...

В кандейке у дяди Вани бардак невообразимый: стартера, генераторы, приборы, пуки разноцветной проволоки... в общем, хлам разнообразнейший, пройти невозможно, что смущало лишь посторонних, не дядю Ваню.

– Машин развелось уйма, – говорил он, – без нашего ремесла никак нельзя, на станциях же обслуживания все дорого, да и делают там тят-ляп, абы с рук сбегрить, мно-огие же личники кроме руля-педалек ни черта не знают, а ежесть нет дошлости, ежесть руки-крюки, выкладывая кровные без пис-

ку. Да и заводы даже у нас, Вовка, вроде как в союзничках ходят – механизмы-то клепают ненадежные, рассыпушки, то есть, вотова-етова, нам подзаработать способствуют, за что им поклон и огромное спасибо...

Есть у дяди Вани «Москвич», даже специалист не определит, какой он модели, передок, вроде как, самой первой, а хвост – третьей, словом, гибрид, карикатура под стать хозяину. Кузов у машинешки помят, ободран, всегда заляпан грязью, задние колеса больших размеров. Увидит кто незнающий это чудо-юдо на стоянке, то в движении сможет его представить лишь в центре стаи энергичных октябрят, влекущих его к горе металлолома.

Купил дядя Ваня эту железку рублей за двести без номеров и паспорта, раскулаченную дальше некуда, перебрал-переделал, и обрела эта образина здоровое нутро, стала расторопно и безропотно, всепогодно и всесезонно транспортировать хозяина по окраинным улочкам. Случалось, дядю Ваню тормозил какой-нибудь дотошный гаишник, чаще новичок или посторонний областного уровня, по незнанию. Хозяин машины тут же, без проволочек, признавался, что прав и прочих техпаспортов не имеет, что номер от списанного бульдозера, для шика, закончив же исповедь, уходил, споро и не оборачиваясь на оклики, благодарил вслух всемогущего за посланное желанное освобождение от вконец его изматывавшего чудища.

Новому рулевому чудище, этот примус на арбе, подчи-

няться не желало, всегда, стопроцентно – начисто умирал движок, не удавалась даже буксировка, ибо руль утрачивал власть над колесами, машинешка начинала довольно произвольно рыскать по дороге из стороны в сторону. Вскоре, страж порядка в находке разочаровывался, а вспомнив иные неотложные дела, с легким сердцем бросал аппарат на произвол судьбы.

Тут же возникал дядя Ваня, трогал какие-то потаенные рычажки, и чудище оживало, преданно урча, неторопко и надежно кралось в нужные координаты. Местных инспекторов это только потешало, сами они давно дядю Ваню не останавливали, к нему же то и дело обращались за помощью.

В кандейке у него всегда было включено радио, с ним он частенько заводил беседы, оспаривая кое-какие из позиций. «Кое-какие»! да огульно гад все охаивал. Хлебнуть, правда, довелось ему сызмальства по самые ноздри.

Чудо-юдо дяди Винни

Так на строительстве Магнитки умерли от голода его мать и дед с бабкой, куда их сослали как раскулаченных, они же с отцом сумели убежать, но отца вскоре взяли и надежно, навсегда упрятали, ну а дядя Ваня пошел по детдомам.

Уже после войны он пытался найти место, хотя бы приблизительно, где захоронили в общей могиле мать и стариков, но на него прицкнули, куда, мол, рыло суешь, кулацкий выкормыш. В тех же местах давно вырос новый микрорайон, местные жители говорят, что при рытье котлованов костей здесь и по сей день выгребают уйму.

Понятно, какого уклона воспитание получал Дикон от такого учителя. Дядя Ваня был к тому же фантазер несусветный, рационализатор, то он загорится идеей создания совершенно нового парашюта, в виде телескопически складываемого пропеллера, да с инерционным аккумулятором, долетел до земли, спланировал, а там еще километров двадцать путешествуй на бреющем полете, расстреливай сверху ошеломленного врага.

А то начнет проявлять заботу об организации труда бюрократа – телефон с водяным охлаждением примется рекомендовать, пишушую машинку в виде боксерской подушки на стене, где клавиши надо колотить кулаками-ногами, тогда, мол, никакие геморрои не взяли бы это сросшееся со стулом существо.

А то размечтается про абсолютно экологически чистый автомобиль, для чего он рекомендовал бы вживлять вместо ног у лошади ходовую того же «жигуленка», свести в одну точку усилия всех мышц для вращения кардана, ну а голову можно бы вывести прямо в салон, пусть себе хрумкает сенцо, озирая окрестности, слушая, при перегазовках, когда

вежливые, а когда не совсем, обращения водителя, и никаких тебе вредных выхлопов, одна желанная для земледельцев органика. Такая вот ахинея, но дядя Ваня оптимист, он уверял всех нас, что любая из нынешних истин тоже когда-то хаживала в одеждах бреда.

Но большей частью он исторгал свои оскоминные воспитательные формулы. Вот одна из наиболее мне памятных.

– Интересно все-таки получается, Вовка, – вещал он Дикону из облака сигаретного дыма, руки же его вели самостоятельную жизнь, привычную работу, вроде как отдельно от их владельца-оратора, – исключительно интересно, вотова-етова, ведь, оказывается, что завидовать кому-нибудь, как я давно подметил, вроде как вредно, опасно для самого же себя. Вот присмотрись и увидишь, что завидующие всегда довольствуются малым, изживают своей век за холщовый мех, по-моему, зависть больше от слабости, ее признак. Не веришь?.. тогда попытаюсь расжевать.

– Жизнь, как я разумею, Вовка, всем нам выдается как одинаковая заготовка, получил и обтесывай по своему хотению. Подтесал, вошел с собой в согласие и поживай себе на здоровье, радуйся, а еще, что очень важно, не спеши захряснуть во взрослого. А я вот, помню, вотова-етова, взялся было завидовать одному еще на фронте, по младости лет. Парень же тот был, скажу я тебе, всем парням парень – картинка, здоровущий, наружностью завлекательный, балагур, бабник, ну все у него в ноженьки устиралось, все по-

лучалось с полоборота, любимчик, удача, так та прямо-таки к нему тогда липла. Ну а я, что я за предмет тогда был?.. так, Винни-Пух. Меня тогда уже два раза ковырнуло изрядно, да все в какие-нибудь несуразности влипал, а у него, любимчика-то, уже два ордена, да еще один наклевывался, а это уже полный бант Славы.

– Роняет как-то наш начфин Хрумкель нечаянно в очко золотые карманные часы. Кого определяют выручать из дерьма трофейную ценность, орденосца?.. конечно же, кроме левофлангового Ванятки туда лезть некому. Правда майор насулил отпуск и медаль «За отвагу», если сыщу и достану вещицу, а то я не знал его, брехуна, да все знали, потому и открестились, выставили меня на посмешище. Ладно хоть часы эти потом мы с дружкой пропили.

– Так вот и приистрастился я тогда через подобные обиды завидовать моему боевому товарищу. Эх, думаю, мать честная, эх, поменяться бы с тобой местами, счастливчик, уж бы я тогда, уж я бы, вотова-етова, ух!.. хоть чуток бы, капельку, отведал жизнешки всамделишной, рафинадной, а там хоть света конец. Бросают нас вскоре в тыл к немцам – партизан обучать разным диверсионным делишкам, да неудачно так вывалили, как упредил кто, на засаду напоролись, полвзвода перебили, мне руку тогда левую кончали, но ничего, сумели оторваться. Почти всем досталось, только ему, орденосцу нашему хоть бы что, ни царапушечки. Остановились, отпыхиваемся, болячки зализываем. Он пить пошел. Слышим:

«Тук», – выстрел. Подбегаем – готовый. Пуля вошла аккуратно под затылок, наповал. Своя пуля! Как?.. Да склонился, оказывается, к родничку, а ППШа у него на спине, снять поленился, и так получилось, что затвор за хлястик телогрейки зацепился, а потом и сорвался. А затвор-то тяжелый, полхода хватило для капсюля. И все, вроде как на себя руки наложил, от жизни-то такой сахарной. Вот и меняйся с такими местами...

– Или еще случай, после какого я еще сильнее укрепил в мыслях, что завидовать кому бы то ни было негоже, что грех великий судьбу клясть, пусть даже торчком меж людей, пусть. Ей, судьбинушке, всегда только радоваться надо, невзирая ни на какие лягания. Был у меня в то время дружок, тоже Ванька, тезка, не сказать, что очень близкий, но знались кой-когда, выпивали, он из третьего взвода был, мне под стать – «тридцать три несчастья», у того жизнь шла совсем хуже спротив моей, не жизнь, а служба козлом на конюшне. Ребятам же цацкаться с такими как мы недосуг, ребята подтравливали его на каждом шагу. Чай пить начнет и то упреждают – не обварись, не захлебнись. Не кимарь на ходу, запнешься да и расшибешься насмерть, спишут под дезертира, за что не только медальки посмертно не полагается, но и в похоронке «смертью храбрых» не черкнут. Переживал он сильно, сплошная мука с телом душе его выходила, кое-кто поговаривал даже с опаской, как бы руки на себя не наложил сердешный в одно из прозрений на свою немыс-

лимую убогость. Так вот и ходил тогда тезка, как оглушенный, ждал покорно с часу на час свой последний номерок в этой лотерее.

– И вот, казалось, приспел этот час – командируют ихний взвод на подмогу какому-то насовсем обреченному батальону, в котел, на погибель вернейшую повезли ребят, все знали, а молодежь ведь, двадцать и то мало кому сравнялось, зашворкали даже кое-кто носами, глазами заворочали напоследок по небушку родному. Но сказано, о н а не спрашивает к кому когда прийти, сама, по своему графику заявляется. Только поднялись они, нате, из-за тучек вывалились исусики разненаглядные с крестами на крылышках, подожгли гады с ходу нашего сокола звездного, посыпались ребята, а их показательно, как в тире, давай резать из пулеметов. Только один парашют не раскрыл, мы сначала подумали – затяжной, сообразил кто-то, ан-нет, так и впаялся бедолага в земельку, словил, видно, пульку свою и в таком виде.

– Отужинали мы, помянули товарищей своих боевых да и спать увалились, шибко переживать к той поре разучились, свыклись, да и некогда было страдать-то в этой карусели. А середь ночи к ребятам в соседнюю землянку пришел мой тезка, живой и невредимый, один из взвода. У всех волоса дыбом, кто-то попросил даже, чтобы сгинул, не тревожил покой их, пока еще живых и здоровых. Упал, оказывается, Ваня на склон оврага, в глубокий сугроб, а парашют не раскрыл от испуга, в обмороchь впал, руки-ноги парализовало. Вот

так-то, вотова-етова, разберись тут, кому же лучше завидовать. Тезка после войны протянул недолго, нервы-то сорвал вчистую, а какое без нервов здоровье, да пить приутямился по-крупному. Мы пару раз даже открытки другу присылали, он все звал к себе в гости, в Казахстан, тут ехать недалеко, но я как-то не собрался...

– Вот у тебя зубы разваливаются, что ни день на стенку лезешь от такой щекотки, а у другого они без малюсенькой червоточинки, знать не знает человек этой радости, боли зубовой. Только позавидуешь ему в четвертинку сердца, этак рикошетом, глянь, а он уже ходит трясучей листа осинового, опал телом со страху, оказывается, вотова-етова, рак в легком нашли, а чуть позже и вовсе, глядишь, несут родимого в сосновом мундире, со здоровыми-то зубами... Не завидуй никому, Вовка, все мы калеки да уроды, существа с червоточинками, все, и неважно чьих рук это дело. У всех радость, горе и прочие ощущения абсолютно одинаковы по составу и дозе, что вчера, что завтра. Мне, по моему скудоумию, так видится, что все мы, живые существа, лишь на время замыкаем свои клеммы на общий аккумулятор, запитал свой объем – отключка. А дозы штука условная, больше надуманная, лучшего барометра чем ты сам на их отклонения нету, все ведь знают, что те же удовольствия – яд, принимать их надо крохами, уметь смаковать, все знают, но идут на пережор. Напруга волнительности у радого человека имеет одну кромку, что у голодного куску хлеба, что у царя завоеванию чужо-

го полцарства. Везде сплошная условность, даже привычные удовольствия и то большей частью временный гипноз, ведь тот же мед мы почитаем за полезное лакомство, а это, как ни крути, блевотина насекомого, и где гарантия, что на завтра не признают еще лакомее то, что нам будут приносить в желудках прирученные птицы, а за щекой суслики. И что есть красота? если это какой-то ГОСТ, то людей как раз притягивает отклонение от нормы. Не завидуй никому, Вовка, – наказывал дядя Ваня, – не тщишь облизать заушины, верь, что у тебя все равно лучше, чем у других, все получится, только, повторяю, войди с собой в согласие, имей, самое главное, свою линию, хучь какую, но свою, кровную линию, будь для других хоть маленькой, но загадкой, ведь сердце без тайны, как говорится, пустая грамота.

– Хуже всего, Вовка, спохватываться. Жить-жить по чужому букварю, потом, хоп, не то! Мы вот после фронта возрадовались, что живехоньки домой возвратились и давай обмывать это дело, и так год за годом. Дообмывались, сковыриваться стали через пьянку еще хлеще чем от пули, пьян-то себе чуж. Я как-то умудрился спохватиться, устранился от этой утехи, а ведь есть годки до сих пор не очухались, но таких совсем мало осталось, просто через здоровье живы недюжье. Вымираем на радость казне, пенсии-то заработанные получать некому, льгот фронтовикам можно сулить с каждым годом больше. А ведь глупость сплошная эта пьянка, вотова-етова, без пьянки куда замечательнее живет-

ся. Курить вот тоже сплошная глупость!..— Дядя Ваня в который раз с негодованием отшвыривал сигарету и пару минут спустя, увлекаясь разговором, ввертывал в мудштук новую. — Я вот, Вовка, — продолжал он, — после этого бедствия в себе пристрастился странствовать, гоняю ежегодно в последнее время за рубеж, а до этого всю Россию-матушку, вдоль и поперек объездил, в соцстранах всех побывал, в Швеции был, в Японию собираюсь, в Индию. Бабе своей говорю, что в дом отдыха, баба глупее пробки — верит, да еще разворчит-ся на немалые траты, раззор семье через мои излишества, ведь я у нее на законных основаниях изымаю до сотни. Ну а с тыщонку-другую при нашем-то ремесле, Вовка, не нащелкать в заначку за год, просто грех, сплошная глупость... А еще, Вовка, — заклинал дядя Ваня, — не допускай бабе проращиваться к себе в душу, это конец всем твоим наметкам, швах настоящему делу... Такой вот педагог нашего Вовы. Конечно же, многие из советов тезке бы бесспорно пригодились, и он зажил бы припеваючи, без осложнений, валял себе потихоньку дурачка, ну к чему эти бесплодные судороги высверкнуть, сразить, шокировать, вознестись надо всеми, ему-то, уроду?

Но такие ориентиры, судя по всему, удовлетворяли запросы Дикона лишь частично, поры его мировоззрения впитывали больше грязь, выдрючки следовали одна за другой, он все назойливее путался у меня под ногами.

**– Совращение ПедоБогини –
Гримировка Вовы пинками
в монголоида – Как сикающих
в неположенном месте едва током
не поубивало – Гибель Идиота «На-
Гаргалыгу» – Как Вова уподобился
плугу и чуть-чуть не задохся —**

Сумел тетка как-то подслушать на переменке в вечерке, как я заключал пари с троицей неверующих друзей... Словом, была у нас учителька, неприступная из себя, как и химия, что она нам преподавала, помолвленная в то время с одним плешивым юношей. Сама она ве-есьма и весьма среднего магнетизма, что гонору ее было совсем не равнозначно. Судьба же нас как-то до этого столкнула на пикнике, после актива, и в подпитии она оказалась ну совсем-совсем иной, какой-то даже радостно и жадно податливой, оно, вообще-то, и понятно, ей тогда уже было двадцать шесть, а принцы все стороной, а принципы такая сухомятка. Законтачил пару раз я с нею и после актива, но вскоре отвалил, потому как увидел, что она лепит нечто серьезное и возвышенное, чуть ли не происки на вечный союз. (Во, дает старушка, нет бы про усыновление бормотать, а она совсем до неуправ-

ляемости обджульетилась)...

Ну а мы в тот день заспорили с корешами на очень высокодуховном уровне о цельности чувств, верности и прочих ветхих заветах, во что я, само собой, никогда не верил и не собираюсь. Да простится мне эта пошлость, но, на мой взгляд, отношения с бабой должны быть одной глубины, какая диктуется ее анатомией.

Ну а мои оппоненты договорились в пылу спора до того, что объявили мою бывшую подружку эталоном женственности и постоянства. Тут, скорее всего, на них воздействовал гипноз ее положения, такая авансированная святость педагогики (Богини!) в глазах ее посредственных учеников. В общем, ударили по рукам, на литр коньяка.

После занятий мы прогулялись с нею по школьному стадиончику и присели в условленном месте, откуда зрители все могли видеть и слышать, притаились они тогда в траншее тира, за жидкой стенкой акаций. Химичка же, вся обрадованная этой реанимацией отношений, возбудилась до озноба и была готова на любую глупость, в том числе и на любовное озорство прямо на лавочке, на морозце. Ну промассировал я ее как положено, лопоча на ушко разную чушь, с изрядной потугой, но возбудил себя до нужной кондиции, и тут, в самый ответственный момент – дикий хохот и завывания, ругательства в адрес педоБогини, что дура, мол, каких свет не видывал, что слепошарая и так далее и тому подобное. Дикон!..

Й-эх, человек божий, обшитый кожей, но тут же смолк, только что-то поекало, повозилось, поплюхало – это кореша, оказывается, уронили его с досады на сорванное зрелище и немного поносили на пинках. А химичка-Танечка – о сучье бабье племя! – чуть оправилась от испуга и давай тянуть меня в другое местечко, поуक्रमнее, докушать поскорее сладенькое, разгневанно суля выколоть моргала этому дошлому горбунишке при первой же встрече. Сладенькое мы докушали в угольном складе кочегарки, что очам жюри было недоступно, однако коньяк они выставили без ропота.

Истоки же поступка тетки с претензией на благородство вполне объяснимы, он попросту не вник в суть спора, не проникся его запалом, подслушав лишь деловую концовку. К тому же, химичка была близка ему по соцпроисхождению, она – детдомовка, бытие вела скромное, если не убогое, затворничала, много мечтала. Комнату у одной бабульки снимала неподалеку от нас с Вовой, тот хаживал к ней даже чаи гонять, мечтать коллективно. Вот и выступил охранным ангелом, решил волевым усилием лишить взрослого человека удовольствия, подозревал его в неразумности.

Зря он так со мной, не по хребту ношу взваливал. В тот раз я не стал усугублять наказания, ребятки и без того расстарались – с неделю ходил монголоидом, очи в строчку, а вот в следующий раз, я готов был убить его за сотворенную подлянку, но чудом удержался, после чего даже зауважал себя, сдержанного. И впрямь, ну ссуди ему я полновес-

ную оплеуху при его-то хрупкости, ссуди, а головенка с позвоночником возьмет да и вывернется из тулова шурупиком, изломаешь эту никчемную побрякушку, а ответ держать как за всамделишного человека. Ну, а дело в этот раз было так.

Уже давным-давно дядя Ваня стонал – уберите, бога ради, перенесите уборную поближе к конторе и гаражу, потому как мужичье, заворачивая за угол, до данного объекта, как правило, никогда не доходили, малую нужду справляли под окно его кандейки. Зимой это явление еще терпимо, а вот летом начиналась такая парфюмерия, не то что форточку приоткрыть для прохлады, шелки приходилось законопачивать. На все это и ворчал дядя Ваня, подавал голос даже на многих собраниях, но дальше хаханек дело не пошло.

Тут-то и приспел со своей рацухой тезка, действие ее я испытал одним из первых, сильное, ошарашивающее действие – через струйку, вдруг, меня так шваркнуло током, что я пал на колени, решив, что какой-то аркан вырвал у меня с корнем это самое. Оцепенел и не могу ни черта понять. Тут в окошке мелькнула любознательная улыбчивая рожа Вовы, настороженная дяди Вани, и я чуток сообразил, откуда могла изойти пакость, вгорячах хотел бежать, подкормить тезку апперкотом, да слышу, рогочут из-за забора мужики, кто тоже только-только вкусили этой прививки.

Я присоединился к ним и уже минут через пять слег под забор от хохота, увидев ужимки и прыжки Дристон-Поносыча, механика с ворот. Этого мы привели в себя с немалыми

усилиями, организм его как никогда был обессилен очередным жидкостульем, и ударило его, судя по всему, враз через две струи. Из мрачных шуточка, на грани фола, попадись человек со слабым сердцем – строгая гробовые доски. Рацуха же состояла в том, что была соединена с аккумулятором железка на стене, в месте, какое мы всегда так щедро уливали.

В общем, опарафинил меня тогда тезка просто-таки здорово, выставил на посмешище, что, конечно же, пошло ему в зачет, добавило граммов в камушек на его шеешке. Он же в слепом вдохновении, с завидной производительностью граммы эти множил и множил.

Возьмет и устелит коридор, тропку к моему кабинету, газетами с портретами Л.И.Брежнева в четверть листа по случаю его очередного награждения, и следы грязных подошв прямо по его лицу! не приведи Боже, случился бы какой-нибудь ответственный товарищ, это же какие выводы!.. Я все больше и больше опасался не сдержаться, отношения наши с тезкой накалялись, причем, у него антипатии нарастали даже с большей скоростью.

Я понимал его, я был для него антиподом – высокий и красивый, неглупый и пробивной, бабник и спортсмен, все это было для него за семью печатями, недоступно, я угнетал его только тем, что был, да еще по воле судьбы мелькал перед его глазами чаще чем прочие. Все мне тогда устилалось в ноженьки, это ли не причина для чернехонькой зависти и нена-

висти для ущербного честолюбца. Не замедлила прийти и открытая стычка, выпад с его стороны, что совсем переполнило мою чашу терпения и приблизило старт конкретных ответных действий.

Предшествовал этой вспышке следующий заурядный эпизод, когда в орбиту вписались еще пара уродцев.

Дело в том, что за комсомольскую работу, как и большинству секретарей первичек, мне платили как «подснежнику», то есть платили за другую работу, в моем случае, я числился экспедитором, полуставочным художником-фотографом, на мне висела вся стенная печать. В довесок ко всему этому изыскал мне шеф еще и доплату с замысловатой формулировкой – «поощрение рационализации охраны труда», за что я был обязан, походя, вести и пропаганду безопасного труда, клеймить его вопиющие нарушения.

Вот на этой почве и произошла у нас стычка с Вовой и Винни, потому как я систематически прогонял с их кандейки, с автобазы, постороннего, местного дурачка по прозвищу «На-гаргалыгу». Было ему лет тридцать, мастью чернявый и даже чем-то он был симпатичный, кабы не приоткрытый всегда рот и деревянные глаза. Прокрадется он, бывало, замрет столбушком у какого-нибудь из рабочих мест и очарованно следит за примитивной работой тех же слесарей на яме, с огромной охотой откликается на просьбы, что-нибудь поддержать-принести. Настоящего имени его никто не знал, только прозвище, самое внятное из всего что он мог

произносить, выкрикивать, когда мимо проходила женщина.

Обучил его этому искусству сожитель сестры, кто явно обладал даром терпеливого дрессировщика, эпизодический, к слову, сожитель, потому как отлучался в тюрьму – «перышком баловался», нет-нет, не инакомыслящий писака, – бандюга, сограждан систематически резал. Он же из тяги к искусству густо испещрил подопечного татуировками, но профессионализма невысокого, на уровне выставки детского рисунка. Он же, порой, выбривал у него бороду и голову в виде вопросительного и восклицательного знаков, что, как ни странно, придавало божьему человечку осмысленность, вводило окружающих в заблуждение, что это нормальный, только экстравагантный человек. На все эти упражнения На-гаргалыгу не обращал внимания, в зеркало он не смотрелся.

Так вот, уцепил я в тот день этого малого под локоток и повлек из кандейки, выговаривая на ходу, что ходить сюда строго-настрого запрещено. Отчего-то, чего ранее не наблюдалось, возмущнулся Винни, пусть, мол, сидит, он нам не мешает. Я ему выговорил, что легко, мол, дядя Ваня, отпускать советы, благославлять поступки, за какие не несешь ответственности, ведь в любой же момент парня может зацепить, примять и изувечить, опекать-то его никто не опекает. Тут встрял Дикон, пусть, мол, сидит, не лезь в наши дела.

В какие-такие ваши, твои дела, выразил я недоумение, полнить отряд уродов новобранцами. Стали было обмениваться колкостями, но Дикон данное изящное фехтование

отверг и на последний мой совет, не лезть в те дырки, куда его ГОСТ протиснуться не позволяет, затрясся в своей шизодной манере челюстью, выкатил шаренки и метнул в меня мензурку с кислотой. О приду-уурок! целил-то прямо в лицо, глаза!.. Лишь каким-то чудом я сдержался от соблазна броситься в драку, ушел, за что себя до сей поры только уважаю, откликаться в моем положении на эту провокацию было бы сверхглупостью.

А с На-гаргалыгу беда случиться не замедлила, сбылось вскоре мое предсказание, с крюка кран-балки сорвался ящик со стружкой металла, прямехонько на голову ущербному. Списать парня сумели, посадить никого не посадили, но потаскали изрядно. Ну, а наш Вова с поры той стычки стал помаленьку получать радости и сюрпризы, не в его, конечно, лобовой зоологической манере, а изящные и разящие, по его же заявке, официантом я оказался на этот счет расторопным, эхо сумел организовать на пару децибел больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.